

4. Єфімов Л.П., Ясінська О.А. Стилїстика англїйської мови і дискурсивний аналіз. – Вінниця: Нова книга, 2004. – 240 с.
5. Newmark P. A Textbook of Translation. – New York, London: Prentice Hall, 1988.
6. Newmark P. Approches to Translation. – Ldn.: Pergamon Press, 2000.
7. Манакін В.М. Лексична конотація як параметр міжмовного зіставлення // Проблеми зіставної семантики. – К.: 2003. – Вип. 6. – С. 34-38.
8. Гальперин И.Р. Гносеологический аспект двуязычных словарей и проблемы контрастивной лексикографии // Изв. АН СССР. Серия лит. и языка. – 1982. – Т. 41.
9. М.Пазяк. Передмова //Українські прислів'я та приказки. / Упоряд. С. Мишанича та М.Пазяка; – К.: Дніпро, 1983. – 390с.
10. Англо-український словник: У 2 т. /Укл. Балла М.І. – К.: Освіта, 1996. – Т.1. – 752с.
11. Великий українсько-англїйський словник / Укл. Попов Є.Ф., Балла М.І. – К.: Чумацький шлях, 2003. – 636 с.
12. Баранцев К.Т. Англо-український фразеологічний словник. – К.: Радянська школа, 1969. – 1052 с.
13. Дубенко О.Ю. Англо-американські прислів'я та приказки. – Вінниця: Нова книга, 2004. – 416с.
14. Українські прислів'я та приказки / Упоряд. С. Мишанича та М.Пазяка; Передм. М.Пазяка. – К.: Дніпро, 1983. – 390с.
15. Chamber's Dictionary of Idioms. English – Ukrainian Semibilingual. – К.: Всесвіт, 2002. - P.114-116.
16. Longman Dictionary of English Idioms. – Longman Group UK Limited, Harlow and London, 1987. – P. 84-85.
17. Mc Carthy, M., O'Dell F. English Idioms in Use. – Cambridge University Press, 2005. – P.82-83.
18. Oxford Collocations Dictionary for Students of English. – Oxford University Press, 2004. – P.235.
19. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. / A.S. Hornby with A.P. Cowie. – Oxford University Press, 1980. – Vol.1. – P.256-257.
20. Seidl J., McMordie W. English Idioms and How to Use Them. – М.:Высшая школа, 1983. – 266с.
21. Newsweek. - February 26, 2001. - p.57

ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПЕРЕВОДА ДЕЛОВОГО АНГЛИЙСКОГО

Е. В. Овсянникова

Стаття полемізує з Чужакиним відносно його формули стильових рис ділової англїйської мови, вважаючи одночасно доцільність її використання в дидактичному контексті університетського перекладознавства.

«Суть делового стиля – это термины + прецизионная информация + клише. Владение всеми тремя компонентами—основа и гарантия успеха» [1, 21].

Формула А. П. Чужакина пользуется заслуженной популярностью в силу своей афористичности. Но к ней надо относиться, как и к другим научным обобщениям: с учётом того, что действительное положение вещей упрощается.

Во-первых, следует иметь в виду явление проницаемости стилей. «Чистых» стилей в природе не бывает – это плод дедукции. Понятие стиля художественной литературы, например, оспаривается многими учёными на том основании, что в этом стиле обнаруживаются элементы самых разных стилей (т. е. это – гибридное образование). Это справедливо и по отношению к другим стилям, в том числе имеющим множество языковых ограничений в отдельных регистрах.

Во-вторых, в ходе создания языковых моделей функциональных стилей чаще всего ориентируются на тексты, наиболее ясно воплощающие «абсолютно-специфичные» признаки того или иного стиля. Так, в газетном стиле приоритетное место занимают способы организации информации в виде новости, в художественном стиле ищут индивидуальное новаторство, в деловом языке – стереотип, благодаря которому соответствующие тексты проще всего поддаются машинной и компьютерной обработке [2].

В-третьих, дедуктивная формула устраняет тот ареал относительно-специфичных признаков, который определяет идиоматику и языковую картину мира соответствующего стиля. Лоренс Венути обобщает эти факторы понятием разнородность (heterogeneity), на воссоздание которого в принимающей культуре

должны быть направлены усилия переводчика [3]. Питер Ньюмарк имеет в виду это же понятие, когда характеризует “the level of naturalness” [4].

Эtimi соображениями объясняется выбор иллюстративного материала, в котором нас интересует, прежде всего, включённость делового английского в другие регистры, в частности, в регистры бытовой беседы: сообщение об увольнении, рассказ о служебных неприятностях, новость о банкротстве, карьерные планы и т. д. Сфера товарно-денежных отношений позволяет охарактеризовать такие регистры как деловой английский. С другой стороны, ролевые отношения коммуникантов и ситуация общения позволяют представить их в виде естественных проявлений бытовой беседы. Именно такие гибридные образования и являются предметом нашего интереса.

Приведём несколько примеров, иллюстрирующих специфику такой деловой коммуникации и технику перевода. Примеры взяты из романа известного американского писателя Сидни Шелдона [5] в переводе В. Б. Тетевина [6]. Выбор романа обусловлен его тематикой (бизнес в сфере недвижимости), лексикой, сочетающей разговорную идиоматику с общеупотребимой бизнес-терминологией, увлекательным стилем, эффектно использующем репертуар литературных приёмов тех книг, которые метко называются *page-turners*, а также избыточным коммуникативными бизнес-ситуациями (переговоры, деловая встреча, обсуждение бизнес-плана, конфликт с подчинёнными и конкурентами, пиар и т. д.), которые одновременно являются примерами «естественной» бытовой беседы.

1) **Before I’m through**, I’m going to put up a hundred buildings (65).

К концу своей жизни я построю сотню зданий (335).

Английское выражение *before I’m through* требует **конкретизации**, но может быть переведено и по-другому: *к концу своей карьеры* или *прежде чем я уйду от дел*. Наконец, можно предложить *я не успокоюсь, пока...* Последний вариант является наименее обязывающим в смысле планируемой хронологии действий и поэтому наиболее близким оригиналу. *Я не сложду оружия, пока* тоже является адекватным переводом, хотя предлагает метафорическое описание ситуации вместо нейтрального (**эмфатизация**), что в рамках макроконтекста оправдано боевым характером героини, а в рамках стилистических особенностей языка бизнеса вполне соответствует стремлению этого стиля к военной образности. Все эти варианты могут вовсе не иметь в виду «конец жизни», но все они так или иначе конкретизируют английское выражение.

2) ...he invested the money in a **wildcat oil venture** with a friend, and sixty days later he was **broke**. His father-in-law, furious, refused to help him any further. “You’re a fool, James, and I will not **throw good money after bad**” (23).

...он и один из его дружков вложили деньги в весьма **рискованное предприятие**, и через пару месяцев у Джеймса **не осталось ни цента**. Его тесть пришёл в бешенство и отказал ему в какой-либо дальнейшей поддержке.

- Ты дурак, Джеймс, - заявил он, - и я не собираюсь больше **бросать деньги на ветер** (302).

Если сопоставить выделенные единицы, то окажется, что во всех трёх случаях наблюдаются расхождения в их семантическом объёме:

wildcat oil venture - **рискованное предприятие**: наблюдаются потери информации за счёт пропуска денотативного сегмента *oil* (**опущение**), устранении образных коннотаций слов *wildcat* и *venture* (**нейтрализация**);

broke - **не осталось ни цента**: за счёт введения слова *цента* абстрактное описание заменяется конкретным (**конкретизация**), появляется категория меры (**добавление**), свойственная гиперболической модели *ни шага, ни минуты, ни на йоту* (**эмфатизация**), теряются профессиональные ассоциации, так как *не осталось ни цента* можно сказать не только о человеке, который занимается бизнесом, но и о представителях других профессий (**генерализация**). Самое интересное явление в рассматриваемом примере – расслоение значения: конкретизация по линии денотата

и генерализация по линии коннотаций. В стилистике отмечают большой класс приёмов, построенных на семантическом контрасте (оксюморон, зевгма, антитеза, ирония и др.). В лексикологии выделяют класс слов, семантика которых имеет противоположные векторы (так называемая энантиосемия). Однако в переводоведении случаи одновременной актуализации противоположных трансформаций не рассматриваются, хотя общезыковые закономерности делают появление таких построений весьма вероятными.

throw good money after bad - *бросать деньги на ветер*: наблюдается *опущение* антитезы *good – bad*, а также развитие смысла по линии идиоматики ПЯ (*модуляция*, основанная на *конкретизации*). Впрочем, существует и другая точка зрения, в соответствии с которой слова теряют автономию в идиомах, и такие примеры следует относить к *целостным переосмыслениям* [7].

3) **Bill Rogers's** face lit up. "**Real estate** was the business I was in."

"Really?"

"I had buildings all over the Midwest. I even had a chain of hotels once." His tone was wistful.

"What happened?"

He shrugged. "**I got greedy**. Lost it all. **But it was sure fun while it lasted**" (48).

Лицо **Билли Роджера** просияло.

- **Недвижимость** – это тот бизнес, с которым я когда-то имел дело.
- Правда? – удивилась Лара.
- У меня были дома по всему Среднему Западу. Даже несколько отелей. – Голос его сделался печальным.
- **И что же случилось?**

Он пожал плечами.

- **Жадный стал, зарвался...** Всё потерял. **Эх, золотое было время...**(321)

Рассмотрим соотносимые единицы.

Bill Rogers's – *Билли Роджера*: наблюдаются отклонения от постоянных эквивалентов. Вместо *Bill* появляется уменьшительное *Билли*; вместо *Rogers* – разновидность этой фамилии, которая к тому же может использоваться как имя - *Роджер*. Это можно квалифицировать как допустимую переводческую вольность, но при этом следует подчеркнуть, что в "чистом" деловом английском такие вольности не приветствуются, поскольку любая запятая может влечь неприемлемые обязательства и санкции. В переводе антропонимов (имён людей) безусловным лидером сейчас считается *транскрипция*, вытеснившая *транслитерацию* (приведённый пример), однако чаще приходится говорить о сочетании того и другого приёма. В переводе топонимов (географических имён) наряду с указанными часто используется приём *калькирования*. Например, какой-нибудь *Bay of Pigeons* можно в зависимости от ситуации передать как *Бей оф Пиджинз* (транскрипция с элементом транслитерации) и как *Залив Попугаев* (калькирование).

Real estate – *недвижимость*: здесь мы имеем дело с постоянным эквивалентом, не создающим переводческие проблемы. Такие термины стали частью всех регистров общенародной коммуникации, а поэтому подлежат обязательному заучиванию наряду с другими классами высокочастотных слов. Все термины имеют тенденцию к многозначности и моноэквивалентности. Другими словами, взятый сам по себе, термин может иметь ряд значений, но в конкретной переводческой ситуации он может употребляться только в одном (как правило, ограничителем переводческой ситуации выступает здесь отрасль науки или техники).

I got greedy – *жадный стал, зарвался*: слово *зарвался* является здесь формально лишним (*добавление*), но оно эксплицирует ситуацию по линии метонимической связи (*зарваться* есть одно из проявлений *жадности*) – *смысловообразование*, что признают характерным свойством перевода с английского на русский [8].

But it was sure fun while it lasted – *Эх, золотое было время*: в традиционных терминах здесь мы имеем дело с *целостным переосмыслением*, когда переводчик

передаёт смысл высказывания словами, далёкими от подлинника. Точнее и проще – трудно здесь не согласиться с А. Д. Швейцером - называть такие случаи **передфразированием**[9]. Наряду с этим о п у щ е н и ю подвергается тавтологический фрагмент *while it lasted*. Русский язык не терпит подобных тавтологических построений, в то время как для английского языка они весьма характерны [10].

4. “The first rule in real estate,” Rogers told her, “is **OPM**. Never forget that.”
“What’s OPM?”

“Other people’s money. What makes real estate a great business is that the government lets you **take deductions on interest and depreciation** while your **assets keep growing**. The three most important things in real estate are location, location, and location. A beautiful building up **on a hill** is a **waste of time**. An ugly building downtown will make you rich” (49).

- Первое правило, - втолковывал ей Роджерс, - в делах, касающихся недвижимого имущества, - это **ЧД**. Запомни это.
- А что такое ЧД?
- Чужие деньги. Почему выгодно иметь дело с недвижимостью? Потому что правительство разрешает **получать доход от роста и амортизации**, в то время как твои **активы постоянно увеличиваются**. В этом бизнесе самыми важными являются три вещи: место, место и **ещё раз место**. Прекрасное здание **на пустом холме** – **выброшенные деньги**, а паршивенький домишко в деловой части города может сделать тебя богатой (321-322).

Рассмотрим сопоставимые единицы.

OPM - *ЧД* : здесь мы имеем дело с игровой (лудической) аббревиатурой, которые появляются очень часто как профессиональный жаргон, а поэтому имеют хождение только в пределах закрытого языкового коллектива. Каждая профессиональный коллектив вырабатывает свою систему аббревиатур.

Скажем, в методике преподавания английского языка без разъяснений широко используются аббревиатуры *OHP* (overhead projector), *EST* (engage – study – activate), *TTT* (teacher talking time), *STT* (student talking time) и др. В автомобильном бизнесе широко используются аббревиатуры *CBU* – completely built unit (готовый автомобиль), *SUV* – sports utility vehicle (внедорожник, джип) и др.. В деловом английском компании Philip Morris действует, естественно, другая система аббревиатур: *LAMP* (legal age meeting place), *HORECADI* (hotel, restaurant, cafe, discotheque - совокупность объектов, в которых целесообразно проводить презентацию сигарет) и др.

Такие аббревиатуры не отражаются в словарях, а, выходя за пределы профессиональной коммуникации, всегда имеют при себе свои дефиниции (как в нашем случае). Наличие дефиниции является сигналом преподавателю, что такие аббревиатуры целесообразно заучивать и активизировать. Все указанные аббревиатуры, независимо от происхождения, следует рассматривать как сигналы профессионально ограниченной коммуникации, т. е. признаки делового английского.

В целом использование аббревиатур в англоязычных регистрах коммуникации значительно более распространено, чем в русском языке. Сокращению подвергаются не только названия фирм, предприятий, учреждений и организаций, но и имена известных людей (*JFK* – John Fitzgerald Kennedy), часто используемые понятия (*VIP* – very important person, *RIP* – rest in peace), культурные штампы (*WASP* – Western Anglo-Saxon Protestant, *yuppy* - young urban professional), названия болезней (*SARS* – severe acute respiratory syndrome) и шуточные (лудические) построения (*ploms* – poor little old me syndrome, *snafu* – situation normal all fucked up). Следует иметь в виду, что одно и то же сокращение может иметь несколько значений (*MP* – member of Parliament, military police, Metropolitan police, mounted police), одно из которых актуализируется конкретной ситуацией.

take deductions on interest and depreciation - *получать доход от роста и амортизации*: в данном случае наблюдается **модуляция**, главным механизмом которой считается метонимия, основанная на причинно-следственной замене (следствием *deductions* - налоговой скидки - является *доход*, следствием *interest* - процентного дохода – является опять же *доход*).

assets keep growing - *активы постоянно увеличиваются*: наречие *постоянно* **эксплицитно** признает признак, свойственный герундиальной конструкции *keep growing*. Такое **добавление** соответствует общей модальности реплики с преобладающей назидательностью: таким образом говорящий привлекает внимание к основной части когнитивной информации (если будешь следовать моему совету, то сделаешь деньги!) Термин *assets* не создаёт переводческих проблем, потому что принадлежит высокочастотной и общепотребимой лексике, а также имеет постоянное соответствие.

on a hill - *на пустом холме*: **добавление** *пустом* является **экспликацией** контекстуального признака, подразумевающего захолустье, удалённость от деловой части города, непрестижный район и т. д.

a waste of time - *выброшенные деньги*: здесь имеет место причинно-следственная замена (м о д у л я ц и я). Сравните с поговоркой «Время – деньги!»

5. You have an ahf – a nose (51).

У вас есть ahf – чутьё (324).

nose – *чутьё*: использован приём **конкретизации** (метонимическая замена инструмента в ИЯ его функцией в ПЯ).

ahf – *ahf*: **нулевой** перевод, сохраняющий гибридизацию ИЯ. Гибридизация в данном случае не является помехой общению, поскольку иностранное слово сопровождается переводом как в ИЯ, так и в ПЯ.

Чарльз Коэн – американский еврей, который вставляет родные словечки в свои реплики, а затем поясняет их на английском.

Контаминация английского иностранными словами является характерной чертой английского языка, которая отмечается исследователями с самого зарождения его. Этимологический список самого авторитетного словаря английского языка (Oxford, 1998) включает 350 языков. Причём, несмотря на то, что английский является сейчас самым главным донором, он продолжает активно заимствовать слова, демонстрируя свою необычайную вакуумную способность, по выражению Дэвида Кристела, который называет гибридизацию самым заметным явлением в английском языке и уверен в неизбежном распаде английского на много английских, непроницаемых друг для друга [11]. Иноязычные вкрапления могут иногда переводить в целях прагматической адаптации:

6. “I never go into a deal that’s not **kosher**, and I never break my word” (55).

Я никогда не заключаю **бесчестные** сделки и никогда не отступаю от своих обещаний (327).

kosher – *бесчестные*: здесь наблюдается стилистическая **замена** иноязычной метафоры *kosher* на узуальный эпитет *бесчестные* с утратой этимологических ассоциаций (**нейтрализация**).

Размах гибридизации в деловом английском объясняется особенностями глобализации мировой экономики. Деловой английский играет в глобализации ключевую роль и является той сферой, где языки, заимствуя друг у друга какие-то единицы, как бы притираются и приспособляются друг другу в целях эффективного информационного обмена. Это явление можно сравнить с детьми от смешанных браков с «приятно-смуглявой» наружностью, по выражению шолоховского Нагульнова.

К сожалению, гибридизации уделяется недостаточное внимание в подавляющем большинстве курсов делового английского.

7. We just got the **closing notice** this morning. Imagine – **a hospital like Manhattan Central** closing down because they’ve **run out of cash**. I’ve been **supervisor** there for

almost twenty years, and they send me a **memo** telling me **I'm through! You'd think** they'd have the decency to do it in person, **wouldn't you? What's the world coming to?** (121)

Сегодня утром я получила **уведомление о закрытии**. Только представьте себе – **такое заведение, как Центральная больница Манхэттена**, и вдруг **разорилось!** Я почти двадцать лет проработала там **инспектором**, а они прислали мне **письменное уведомление об увольнении!** Могли бы хоть из приличия сделать это лично. И куда только **катится мир!** (376)

Здесь абсолютно-специфичные единицы делового английского *closing notice* (переводится эквивалентом, возникшим на базе кальки), *run out of cash* ((переводится эквивалентом, возникшим на базе целостного преобразования со стёршейся метафорой и сохраняющим разговорный оттенок), *supervisor* (переводится вариантным соответствием, сохраняющим высокий уровень абстрактной референции), *memo telling me I'm through* (переводится конкретизирующим вариантным соответствием) комбинируются с разговорными формулами *I'm through, You'd think, wouldn't you* (переводятся целостным преобразованием с компенсацией).

Наиболее отчётливо стратегия **улучшения** текста оригинала по линии приспособления к нормам принимающей культуры просматривается в эмфатизации *катится мир* по сравнению с нейтральным *the world coming to*.

Транслема *a hospital like Manhattan Central* (переводится калькой) выполняет роль важного контекстуального индикатора ситуации общения: здесь наблюдается не просто светская болтовня, речь идёт о работодателе, а это – сфера товарно-денежных отношений между людьми. Эта сфера и создала деловой английский.

ВЫВОДЫ

1 Все составные части, упомянутые А. П. Чужакиным в его формуле делового английского являются факультативными, т.е. могут присутствовать в той или иной мере, или вовсе отсутствовать. Это внешние признаки, которые наиболее естественно ассоциируются с функциональным стилем делового английского. Именно поэтому эту формулу целесообразно использовать в дидактических целях. При этом следует помнить, что главное в деловом английском – это референция в область товарно-денежных отношений, охватывающих такие регистры, как техническая и юридическая документация, протоколы, служебные записки, интервью, реклама и т. д. Само собой разумеется, что насыщенность терминами, клише и прецизионной информацией будет существенно варьироваться в каждом регистре.

2 Абсолютным признаком делового английского является специфическое сочетание кооперативной и контрверсионной модальности в пределах ролевого отношения «ведущий – ведомый», когда ситуация дискурса упорядочивает коммуникативный обмен по формуле «если, ... то...» и требует от участников определённых языковых ограничений (чаще всего с ориентацией на формальные регистры).

3 Аудиторной проработке подлежат не все термины и клише (что неосуществимо), а только та небольшая их часть, которая задействована во всех регистрах коммуникации. Фактор частотности имеет исключительное значение для целенаправленной работы по формированию языковой и переводческой компетенции. Наличие дефиниции термина (профессионализма, аббревиатуры, неологизма, реалии и т. д.) в тексте или опущение в ПЯ является сигналом преподавателю, что такие языковые единицы нецелесообразно заучивать и активизировать.

4 Кроме признаков, обозначенных А. П. Чужакиным, необходимо обратить внимание на бизнес-идиомы универсального назначения и военную метафору, которые являются важнейшими стилеобразующими факторами делового английского.

SUMMARY

The article challenges Tchuzhakin's formula of Business English stylistic features as a case of oversimplification of the issue. At the same time, this formula may be approached to as secure jumping-off grounds for University undergraduates.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Чужакин А. П. Мир перевода. Устный перевод XXI. Sequel: практика+теория. Синхрон. – М.: Р. Валент, 2002. – 232 с.
2. Мірам Г. Е. та ін. Основи перекладу: Курс лекцій; Навчальний посібник. – Київ: Ельга, Ніка-Центр, 2002. - 240 с.
3. Venuti, Lawrence. The Scandals of Translation: Towards an ethics of Difference. – London and New York: Routledge, 1998. – 210 p.
4. Newmark, Peter. A Textbook of Translation. – Longman, 2003. - 292 p.
5. Sheldon, Sidney. The Stars Shine Down. – New York: Warner Books, 1993. – 398 p.
6. Шелдон, Сидни. Узы крови. Звёзды сияют с небес: Романы / Пер. с англ. С.А. Фридрих, В.Б. Тетевина. – М.: АО «Издательство “Новости”», ТКОО АСТ, 1996. – 592 с.
7. Комиссаров, В.Н. Теория перевода. – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
8. Бархударов, Л.С. Язык и перевод. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
9. Швейцер, А.Д. Перевод и лингвистика. – М.: Воениздат, 1973. – 280 с.
10. Бархударов, Л.С., *ibidem*.
11. Crystal, David. The future of Englishes // English Today 59. –1999. -Vol. 15, № 2. - P.10 – 20.

ОСОБЛИВОСТІ ПЕРЕКЛАДУ СУБСТАНТИВНИХ КОМПОЗИТІВ НІМЕЦЬКОЇ МОВИ

Л.Ф. Рись

У статті досліджуються проблеми перекладу німецьких субстантивних композитів засобами української мови, аналізуються можливості передачі не лише їхнього денотативного, але й конотативного значень. Особлива увага приділяється осмисленню значення композитів, що функціонують у німецькомовних засобах масової інформації.

Будь-яка теорія перекладу повинна спиратися на загальнолінгвістичну теорію [1, 11]. Перекладач повинен бути обізнаним у галузі лінгвістики, процесів словотворення, сучасних тенденцій мови, тобто володіти лінгвістичною компетенцією. Не менш важливим є володіння лінгвокраїнознавчою компетенцією, тобто знаннями про основні особливості соціокультурного розвитку країни, мова якої вивчається, знаннями її побуту, реалій, історії, літератури, політичної ситуації тощо. Недаремно Т. А. Фесенко дає визначення перекладу як вербальної проєкції етноментального досвіду однієї лінгвокультурної спільноти через інтеграцію ментального простору перекладача як представника іншої лінгвокультурної спільноти [2, 45].

Передача словоскладних конструкцій німецької мови засобами іншої мови потребує від перекладача особливих зусиль. У складних словах (композитах) знаходить відбиток особливий спосіб мислення німецького народу. З однієї сторони, композити володіють прозорою розчленованою формою, в їхній номінативній структурі представлені мінімум дві ономасіологічні ознаки, та в той же час, завдяки наявності двох повнозначних одиниць, композити здатні виступати засобами формально-семантичної компресії та імплікації стилістичної інформації.

Складні слова займають особливе місце як у словотворчій системі німецької мови, так і серед структур представлення знань та вербалізації когнітивних сутностей. Композити дають можливість певного впорядкування, в той час як знання про світ, інтертекстуальне та текстуальні знання разом із знаннями про форми утворення композитів допомагають нам так точно зрозуміти ці слова, як того вимагає контекст. Це означає також, що при розумінні композитів йдеться в нормальних випадках про розпізнавання мовно сформульованої схеми, що володіє певним